

Дж. Т. Грейтхаус

РУКА КОРОЛЯ СОЛНЦА

FAN|ZON

МОСКВА

Договор и Узор

Рука Короля Солнца

Сад Империи

Узор мира

J. T. Greathouse

**THE HAND
OF
THE SUN KING**

Дж. Т. Грейтхаус

РУКА КОРОЛЯ СОЛНЦА

FAN|ZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Г79

J.T. Greathouse
THE HAND OF THE SUN KING

Copyright © Jeremy TeGrotenhuis 2021
Публикуется с разрешения автора при участии его литературных
агентов, JAVberwocky Literary Agency, Inc (США) и Агентства
Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского В. Гольдича и И. Оганесовой
Иллюстрация Е. Куликовой

Грейтхаус, Дж. Т.

Г79 Рука Короля Солнца / Дж. Т. Грейтхаус ; [перевод с английского
В. Гольдича, И. Оганесовой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 480 с. — (Век
магии. Главные новинки зарубежного фэнтези).

ISBN 978-5-04-215710-3

Вэнь Оляха — дитя двух культур. Наследие империи отца, поработившей родину его матери, требует повиновения богоподобному императору, навязывает традиции и образ жизни, запрещает магию других культур. Все решено заранее: сдав экзамены и изучив разрешенные виды магии, юноша станет одним из самых могущественных людей Сиены — Рукой императора. Но у Оляхи есть секрет — метка ведьмака, полученная в детстве. Память о прикосновении к магии, не скованной договором. Мечта найти свой собственный, третий путь в мире, полном запретов.

Оляха обнаруживает, что конфликт между империей и сопротивлением — это начало войны богов и людей, а у него есть шанс стать ключом к победе той стороны, к которой он примкнет.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-215710-3

© В. Гольдич, И. Оганесова, перевод на
русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Посвящается Ханне.

Я сказал, что хочу быть писателем.

А ты все равно вышла за меня.

Я не могу представить большего жеста любви

Часть I

Ученик

Глава 1

Обретение имени

Бабушка разбудила меня посреди ночи и велела помалкивать. Она повела меня через лес по полузабытым тропам, неизвестным сиенским солдатам. Под моими обувьюми в сандалии ногами ломались ветки, влажный подлесок щекотал икры. Крики сов и лисиц разносились в прохладном темном воздухе. С безоблачного неба лился яркий свет луны и звезд, отчего ночь казалась холоднее. Сонная растерянность сменилась страхом.

Знала ли мать, что бабушка меня увела? И куда мы шли? Мне хотелось задать эти вопросы, но я не осмеливался. Мою бабушку окружала аура таинственности, и, хотя она жила под одной с нами крышей, бабушка казалась мне существом из окутанного тенями мифа.

Несколькими ночами ранее я лежал без сна, завернувшись в шелк и хлопок, и слушал, как бабушка с матерью спорили по другую сторону стены из промасленной бумаги. Утром мой отец уехал по делам, и присутствие бабушки заполнило пустоту, которая после этого образовалась. Она открыто поносила сиенцев, а мать, которая была замужем за сиенцем, в свою очередь, выражала против ее обобщений и неприкрытой ненависти.

У меня не вызвало удивления то, что бабушка стала жить с нами, под кровом сиенца, с дочерью, которую презирала, и зятем, которого ненавидела. Но я был маленьким мальчиком,

мало знал о Сиене и совсем ничего о народе бабушки и их богах, и мне не приходило в голову, что я стану орудием в долгой и горькой войне между ними.

— Ты и твой брат получили имена в возрасте шести лет, однако твоему сыну уже восемь, но он так еще и не назван, — сказала бабушка, и ее голос слегка приглушила бумажная стена.

— Когда мы получали имена, это не являлось преступлением, — ответила моя мать. — И не представляло опасности.

Их разговор казался мне лишеным смысла. У меня было имя, Вэнь Оляха, которое дал мне отец в соответствии с семейными традициями своего клана и преемственностью собственного имени — Вэнь Палисандр. Зачем мне еще одно?

— Если не сейчас, то никогда, — резко сказала бабушка. — И ему ничего не останется, как служить завоевателям. Неужели ты бы хотела, чтобы он стал бюрократом империи и занимался подсчетами выгоды, которую можно получить от налогов с голодающих деревенских жителей, неспособных ничего заплатить? Именно на этот путь направляет его твой муж.

В голосе матери послышались слезы.

— Ты не получишь моего сына для своей войны.

— Значит, лучше сделать из него врага богов? Врага собственной семьи?

Сверчки заполнили наступившую тишину. Мне больше не хотелось спать, меня взволновали разговоры про богов и войну. Я знал только одного бога — императора Сиены, чьи ритуалы я начал изучать в прошлом году с наставником. Я видел демонстрацию его могущества на праздновании Нового года, когда сиенские волшебники — Руки императора — метали сферы радужного пламени и они танцевали между звездами. Я боготворил императора и благоговел перед мудрецами вместе с отцом,

как он со своим отцом и так далее до самой туманной глубины веков. О каких богах говорила бабушка?

— Я не стану заставлять его сражаться, — сказала бабушка. — Неужели ты откажешь сыну в праве на половину его наследия?

Я не услышал ответа матери, но, когда шел в лес вслед за бабушкой, спотыкаясь и не до конца проснувшись, по едва заметной тропе, я понял, о чем, возможно, шла речь.

В чаще перед нами появились связанные между собой бревна. Тропа вела к ивовым воротам, старым и хрупким, заброшенным много лет назад, однако их охраняли три каменных волка. Один стоял посреди тропы. Остальные сидели с двух сторон от ворот.

— Храм Пламени, — сказала бабушка и указала на двух одинаковых волков. — Окара и его сестра Толлу. Их мать, Волчица Атери, подруга огня. Запомни их имена, мальчик.

Я всегда был для нее *мальчиком*. Она никогда не называла меня моим сиенским именем.

Мы с бабушкой прошли мимо волков. Я шарахнулся от них, однако запомнил имена, как она велела. Атери стояла, опустив голову, приготовившись к атаке. Толлу выглядела спокойной и гордой, с укороченной морды смотрели пронзительные глаза; Окара показался мне самым страшным из всех. На его морде я видел многочисленные шрамы, один из которых пересекал правый глаз, волк злобно скалил зубы. Позднее бабушка рассказала мне истории про этих странных богов — о мудрости Атери, благородстве Толлу и коварстве и жестокости Окары. В ту ночь она провела меня за руку — крепко, но нежно, — мимо волков-богов, через ворота, в храм.

Лунный свет смягчал красную и желтую краски Храма Пламени. Бумажные ширмы давно повесили на окна, и большую

их часть покрывали дыры, а одна образовалась после упавшего стебля бамбука. Колония летучих лисиц цеплялась за скобы в потолке и наблюдала за нами блестящими глазами. Внутри сильно пахло гуано.

Бабушка подвела меня по ступенькам к алтарю в центре храма. Она распустила волосы, и ее рыжие, тронутые сединой локоны упали на плечи.

Как у всех детей сиенцев, голова у меня была выбрита по бокам.

Бабушка нахмурилась и развязала мой пучок волос, так похожих на ее, но тщательно расчесанных по настоянию отца, — они рассыпались и щекотали уши.

Бабушка рукой стерла с алтаря накопившуюся за годы пыль, но не стала наводить в храме порядок, что резко контрастировало с ритуальной любовью сиенцев к чистоте, отличавшей и моего отца. Наши богослужения были связаны с ароматическими палочками, изящными резными и раскрашенными идолами, а также храмами, которые убирали, полировали, чистили и раскрашивали старательные монахи.

В сознании сиенцев богослужение не могло начаться, пока мудрецам не будет оказана заслуженная честь и их не пригласят в священное место.

Религия бабушки была связана не с известными мне обрядами и ритуалами, а концентрировалась вокруг огня и крови. Она велела мне сесть на каменную поверхность алтаря и достала из сумки нож из черного стекла. Почувствовав мой страх, бабушка поджала губы и положила нож на алтарь рядом со мной.

Ее запрещенные законом действия, неподвижность и тишина ночи, а также необычность других артефактов, которые она вынула из сумки — глиняная чаша, кисточка для письма,

лист рисовой бумаги, закупоренная тыква и свиток из деревянных планок, перевязанных кожаной лентой, — вызвали у меня тревогу. И вновь я спросил себя, зачем бабушка меня сюда привела; мне захотелось спрятаться под свое любимое одеяло и чтобы эти странные предметы оказались лишь сном.

Она отошла к задней части алтаря и открыла маленькую медную дверь — это был единственный металл, который я видел в храме, — посмотрела в темноту за дверью, и ее взгляд показался мне отрешенным, морщины вокруг глаз стали отчетливее — бабушка что-то вспоминала.

— Прежде, — тихо заговорила она, — ведьма ухаживала за алтарем днем и ночью. Прежде здесь горело Первое Пламя, зажженное от огня, что отличал человека от животных. Теперь остались лишь холодные угли и пепел.

Бабушка принялась складывать поленья в очаг, а потом протянула руку в темноту. Я наклонился через край алтаря, пытаюсь понять, куда исчезает ее рука.

Она щелкнула пальцами, и в этот момент тропа моей жизни изменилась. Я в первый раз ощутил пьянящий трепет магии. Мою грудь наполнил лихорадочный жар, который пробежал по ребрам и плечам и дальше вниз по спине. Зернистая структура дерева и камня стала четкой, как писание древнего бога.

Это острое ощущение заставило меня вспомнить один из первых уроков моего наставника, Коро Ха, который состоялся в прошлом году. Мы изучали мою генеалогию, список предков отца, уходивший к первым представителям нашей семьи. Один из множества текстов, которые мне предстояло выучить наизусть перед имперскими экзаменами.

Хотя мой отец был купцом среднего статуса, наше семейное древо в своих корнях имело могущественных и влиятельных людей. Величайший из них, Вэнь Могучий-Дуб, являлся

Рукой императора, волшебником и генералом, участвовавшим в покорении повелителей лошадей степи Гирзан. Мне казалось невозможным, что я, сын купца, мог проследить своих предков до столь ошеломляющих высот власти.

— А я смогу стать Рукой императора? — спросил я у Коро Ха.

— Может быть, если будешь упорно трудиться. — Его позабавили мои детские амбиции. — Тропа в будущее не определена.

— А ты мог бы им стать? — спросил я.

Он в ответ рассмеялся.

— Нет, не думаю. И я бы не хотел такой чести, даже если бы мне ее предложили.

Его ответ меня смутил. Мой отец всегда говорил о наших предках, выставляя их примером, к которому мы должны стремиться. Его миссия в жизни состояла в том, чтобы приблизить нашу семью к прежним высотам, а для этого требовалось богатство — именно его он добивался — и престиж. Он говорил, что его я смогу обрести при помощи образования и на службе империи.

— А почему ты не хотел бы стать Рукой императора? — спросил я у Коро Ха. — Ведь не существует большей чести?

— За власть всегда приходится платить, — ответил Коро Ха. — Я слышал, хотя и не знаю, так ли это, что в обмен за дар владения магией император может видеть глазами Руки. А некоторые даже утверждают, что император слышит эхо каждой его мысли. В любом случае я предпочитаю выбирать собственную тропу в мире. Власть есть бремя, которое я не хочу взваливать на свои плечи.

— Но это же просто отговорка, — сказал я. — Если бы ты обладал властью, то не позволил бы себе ее упустить. Ты потерпел поражение, а теперь делаешь вид, что не хочешь ею обладать.